

Пэн Цзэфэн предупредил мать о своём приезде за час, так что успел-таки к праздничному ужину. Хотя ужином это можно было назвать с натяжкой — скорее, поздним перекусом, ведь домой он добрался уже около одиннадцати вечера.

Быстро приняв душ, Пэн Цзэфэн сел с родителями смотреть новогодний гала-концерт. Даже в 2025 году он оставался таким же скучным.

Господин Пэн Шиван положил в тарелку сыну то блюдо, которое тот терпеть не мог, а госпожа Чжао Сьюй последовала его примеру.

— ... У вас ко мне что, претензии есть? — спросил Пэн Цзэфэн.

Он и вправду ненавидел цветную капусту — её текстура казалась ему странной.

— Это на хорошую примету. Ждём уже внуков, — бросила взгляд на Пэн Цзэфэна Чжао Сьюй, не отрываясь от телевизора.

— Мама скучает. Когда тебя нет, мы вдвоём, и праздничный ужин теряет всю прелесть, — Пэн Шиван, ежедневно выслушивая жалобы жены, тактично передал её слова.

— Раньше ты был таким домашним ребёнком, — сказала Чжао Сьюй.

— В старших классах, даже если давали полдня выходных, сразу бежал домой, — добавил Пэн Шиван.

Пэн Цзэфэн подумал: «Какая там в школе нагрузка? Конспекты даже писать не приходилось».

— А поступил в университет — и след простыл, — заметила Чжао Сьюй.

— Только на зимних каникулах домой на несколько дней заглядывал, — поддержал Пэн Шиван.

Пэн Цзэфэн мысленно вздохнул: «А вы, как ненормальные, с первого курса прямо с первого дня Нового года сватать меня принялись».

— Стал работать — вообще раз в год появляешься, — продолжила Чжао Сьюй.

— Деньги твои нам не нужны, приезжай просто почаще, — добавил Пэн Шиван.

Им уже за пятьдесят.

Пэн Цзэфэн смотрел на их лица и напоминал себе: «Они во мне нуждаются». Но пациентов было слишком много.

Чжао Сьюй едва не вырвалось: «А мы разве не нуждаемся?», но она сдержалась. — Чем больше людей вылечишь, тем лучше. И, как сказал отец, деньги твои нам ни к чему — ни гонорары, ни там авторские какие, не переводы. Нашей зарплаты хватает.

— А мне их, кроме как вам, тратить некуда. Хотите — хоть площадь для танцев стройте, — Пэн Цзэфэн, конечно, понимал, о чём мать, но что поделать.

Работал он не ради денег, потому и остановиться не мог.

Лёгкая грусть Чжао Сьюй тут же развеялась. — Ты с ума сошёл?

— Да-да, сошёл, — согласился Пэн Цзэфэн.

Чжао Сьюй тяжело вздохнула. — И совсем ты не милый. Надо было второго рожать.

Если бы не боязнь, что не справится и двоим внимания не хватит, она бы, как родители Вэй Цяньняня, ещё одного завела. Вот они теперь счастливо детей дома дожидаются, еду готовят. Завидно даже.

Но на этом тему закрыли. Чжао Сьюй хоть и ворчала, но сыну всё-таки неловкостей устраивать не стала.

— Чем это ты аж до самого Нового года занимался? — спросила она.

Пэн Цзэфэн вкратце рассказал о происшествии на вилле, опустив всё сверхъестественное, так что осталось лишь заточение в морозильной камере. Но благодаря его лёгкому тону история вышла будничной, словно стакан воды выпил, так что даже слова «чуть не погиб» мать восприняла как попытку разжалобить.

После ужина Пэн Цзэфэн вернулся в комнату и вскоре выключил свет.

Шаги Чжао Сьюй приблизились к двери, замерли на мгновение, потом стали удаляться, и лишь когда послышался звук открывающейся и закрывающейся другой двери, Пэн Цзэфэн включил свет.

Нужно было распланировать дела на следующий год.

Оставалось ещё много пациентов по записи, надо было прикинуть время на лечение, подготовиться к новым случаям и непредвиденным событиям. А потом постараться выкроить немного личного времени — друзья почти все женаты обзавелись, а те, кто в браке, скоро, наверное, детей заведут, надо навестить.

И на Праздник середины осени больше не опаздывать.

И по возможности на День отца и День матери приезжать.

Важные отношения нужно поддерживать.

Часа через два Пэн Цзэфэн выключил свет.

А через минуту погас свет и в комнате Пэн Шивана с Чжао Сьюй.

Ещё в старших классах у Пэн Цзэфэна был чёткий режим, но если он вдруг засиживался, родители тихонько бдели вместе с ним. Они знали, что сын у них ответственный, потому в его дела не лезли.

Чем он занимается — им, как родителям, конечно, хотелось знать, но они не спрашивали.

Что можно сказать, а что нельзя, сын понимал лучше них.

На следующий день, в полдень.

Пэн Цзэфэн, которому подыскали свидание, сказал:

— Мама, я же чуть не погиб, можно не ходить на встречу?

— Нет. Сам виноват — в обещанное время домой не явился, отправился шляться, — Чжао Сьюй была непреклонна.

— Но на то были причины!

— А у меня свои причины имеются.

— Какие ещё причины? — только она умудрялась каждый год в первый день Нового года девушек для свиданий находить.

Чжао Сьюй недовольно покосилась на Пэн Цзэфэна и продолжила есть.

Прожевав и проглотив полмиски риса, она снова заговорила:

— Ты только послушай, как с матерью разговариваешь! Хочу внука, здорового да крепкого, разве нельзя? Давай, доедай и катись на встречу.

— А если я мужчин люблю?

— Тогда и мужчину подыщу.

— А внук-то?

— Знаю я, что двое мужчин ребёнка не родят.

— Ясно.

Чжао Сьюй человек неконсервативный, подходила ко всему с рассудком: если полюбит человек — она смирится, а уж если какое другое существо — что ж, и тут попытается.

Поглядев, как неспешно ест Пэн Цзэфэн, Чжао Сьюй поторопила:

— Давай быстрее.

Пэн Цзэфэн не хотел рано встречаться с незнакомкой и развил тему:

— А если жена детей не захочет?

— Значит, не надо. Я что, нож к горлу приставлю?

— Тогда и ребёнок вам не очень-то нужен. Зачем мне тогда пара?

— Это разные вещи. Непреодолимые обстоятельства и человеческие усилия друг другу не мешают.

«Непреодолимые обстоятельства» — выражение подобрала изящное.

— Разве свидания не так проходят: сначала вместе поели, познакомились, потом телефоны обменялись и о следующей встрече договорились? Зачем мне тут есть?

— Ты давно моей еды не пробовал. Вдруг тебе позвонят, и ты сбежишь? Да и когда своя семья появится, вообще реже приезжать станешь. А я... я люблю смотреть, как ты ешь то, что я приготовила. Всякий раз думаю: «Как хорошо, что сын мою еду кушает».

— Ясно.

Холодность Пэн Цзэфэна задела Чжао Сыюй. Пусть она и знала, что он не неблагодарный, но всё равно немного завидовала живости и отзывчивости чужих детей.

— Какой же ты бесчувственный... Ладно уж, приведи хоть Сяо Фэна. Я всегда хотела, чтобы он моим сыном был — такой славный, совсем на тебя не похож.

— Ну так меняйте.

— Его родители тебя не возьмут. Молчун да ещё и вечно проблемы создаёшь.

— ...

— Давай, проваливай.

— Я ненадолго, вечером Сяо Фэна приведём поужинать.

— Ладно.

Спустя некоторое время Чжао Сыюй гневно крикнула:

— Попробуй только сразу вернуться!

Место встречи находилось в чайной с китайской кухней примерно в двух километрах от их дома. Пэн Цзэфэн, как обычно, заказал только воду.

Через десять минут вошла девушка в красном свитере.

Убедившись, что она направляется к нему, Пэн Цзэфэн встал и взглянул на неё.

— Офигеть, Пэн Цзэфэн! — изумилась У Хуэйлин.

— Да, здравствуйте, — ответил он.

Она сняла очки. — Ты меня не помнишь?

Пэн Цзэфэн порылся в памяти. — Ты... та самая, что с Цяньнянем дружила?

Запомнил он её потому, что когда-то кто-то сказал, будто Цяньнянь и У Кэ — мерзость, и девушка, не долго думая, дала тому пощёчину, а потом отчитала на все корки.

— Ага, У Хуэйлин. Не думала, что на свидании старого знакомого встречу. Я же Сяо Сяо говорила, что ты наверняка одиноким останешься, вот она, правда-то, ха-ха-ха-ха... — У Хуэйлин покатила со смеху, держась за живот.

Пэн Цзэфэн не обиделся. Раз уж это старый знакомый, можно просто поболтать. — Насмеялась? Заказывай что-нибудь.

<http://bllate.org/book/16276/1465631>